

ОГРОМНЫЕ пространства и природные богатства нашего Отечества в сочетании с его относительной малонаселённостью многократно стимулировали захватчиков идти войной на Россию. Поэтому Россия часто воевала. Эта констатация являет собой триумф. Куда важнее понимать другое: как именно Россия это делала в разные периоды своей истории.

Величайшие теоретики военного искусства — Сунь-цзы и Карл фон Клаузевиц, обобщая военный опыт прошлого, искренне полагали, что секреты военного искусства универсальны. Но так ли это? Легко заметить, что сами способы войны, отношение людей к военному делу, к своей военной истории в сильной степени зависят не только от их принадлежности к тому или иному народу, но и от различающихся эпох народной истории. Лев Николаевич Гумилёв называл такие различающиеся эпохи фазами этногенеза и связывал их с разными уровнями пассионарного потенциала этнической системы. Дабы понять эту этническую фазовую специфику, недостаточно изрекать общеизвестные социальные истины. По остроумному замечанию нобелевского лауреата по литературе Томаса Элиота, нужно ещё различать те частности, к которым эти истины относятся.

Для начала обратим внимание, что время самой высокой военной славы России — XVIII век — стало периодом, когда высшие руководители страны сами имели воинские звания. Московское государство ничего подобного не знало. Иван Грозный никогда не принял бы титула первого воеводы Большого полка. Звание это было исключительно почётным само по себе:

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИНЕРЦИИ

Часть первая. Формирование военного сословия

европейцы по аналогии называли первого воеводу герцогом, то есть главнокомандующим. Но и оно на Москве считалось служебным, а потому несовместимым с божественным достоинством наследственного православного государя.

А вот с Петра Великого, когда государство заметно секуляризировалось, воинские звания стали приниматься императорами на себя. Сам Пётр в начале карьеры был, как известно, преображенским "бомбардиром", а в конце — адмиралом флота. Его жена Екатерина I первой же приняла звание полковника лейб-гвардии, которое закрепилося за главой правящего дома. "Дщерь Петрова" Елизавета в дополнение к тому учредила из гвардейцев, произведших в её пользу переворот в 1741 году, особую "лейб-кампанию". Это была гренадёрская рота, в которой сама Елизавета являлась "капитаном", то есть командиром. Двумя поручиками, то есть младшими ротными офицерами, употребляемыми для капитанских поручений, состояли в роте любовник Елизаветы граф А.Г. Разумовский и её фаворит граф М.И. Воронцов (елизаветинские любимцы братья Шуваловы тоже были графами, но в лейб-кампании дотянули только до подпоручиков). Немка по рождению, Екатерина II также пришла к власти в результате гвардейского переворота. Поначалу она гвардейцев побаивалась и старалась никого из них не обижать. Поэтому государыня состояла полковником одновременно во всех старейших полках лейб-гвардии — Преображенском, Семёновском, Конном и Измайловском.

Заметим также, что связь главы государства с военным сословием в России середины XVIII века не ограничивалась воинскими званиями членов правящего дома. Эта связь была именно эмоциональной обратной связью. Александр Васильевич Суворов всю жизнь хранил рубль-"крестовик", который когда-то пожаловала ему императрица Елизавета Петровна. Сочетание акматической пассионарности и персональной связи императоров с войском имело вполне прикладное следствие. Военная служба позволяла дворянину гораздо быстрее продвинуться в табели о рангах, чем гражданское поприще. Ведь при непрерывных войнах офицеры гибли, а на их места постоянно поднималась молодёжь. Тот же Суворов получил офицерский шарф в 1754 году, то есть 24 лет, что тогда считалось безнадежно поздно: так, фельдмаршал П.А. Румянцев стал генералом в 30 лет, а фельдмаршал Н.В. Репнин — в 28 лет.

Царствования Елизаветы и Екатерины являются завершением акматической фазы, характеризующейся, как и вся фаза, стремлением к идеалу победы с императивом: "Будь самим собой!" Вместе с тем финал акматической фазы имеет свою специфику пассионарного состояния. Она заключается в сочетании двух особенностей. С одной стороны, в суперэтнической системе этого возраста уже нет неуправляемого избытка пассионарной энергии, но в целом её все ещё достаточно много. С другой — у правящего субэтноса за два с лишним века акматической фазы уже накопился огромный опыт использования пассионарных людей на войне. В таком пассионарном состоянии военные не имеют никаких препятствий в своём стремлении к доминированию над врагом. Подобное стремление, напротив, всячески поощряется и понимается окружением: "Гром победы, раздавайся, / Веселися, храбрый Росс!"

Показательна здесь уникальная фигура Суворова. Один из многочисленных исторических анекдотов, возникших вокруг него ещё при жизни, повествовал, что в 1773 году будущего фельдмаршала хотели было отдать под суд за неуставной поиск на Туртукай, да Екатерина II не согласилась: "Победителей не судят!" На самом деле никакого суда или взыскания в помине не было. Но ремарка царицы, придуманная для неё современниками, очень точно выразила кооперативный идеал поведения эпохи: победа действительно ценилась выше не только благосостояния, но и формальных требований уставов и наставлений.

Фигура Суворова вообще замечательна тем, что она показывает нам тот цельный тип военного человека, который сложился к концу акматической фазы.

Суворов был выраженно религиозен, но целиком сконцентрирован на своём любимом военном деле. При этом к обывателям и побеждённому врагу он неизменно проявлял гуманность. Вместе с тем Суворов оставался подчёркнуто честолюбив. После успешной операции по разгрому превосходящих сил противника и захвату турецкой крепости Туртукай в рапорте своему начальнику генерал-поручику И.П. Салтыкову он писал: "...Бога ради, не забудьте. Кажется, что и вправду заслужил Георгиевский второй класс; сколько я к себе ни холоден, да и самому мне то кажется". При этом Суворов всегда держался в стороне от дворцовых интриг и категорически не соглашался подстраиваться под военную моду. Согласно его мнению, надлежало избегать неизвестности, любить истинную славу, не гнушаться лжи, имея честь и честность. Конечно, поведение Суворова — это пример высокой пассионарности. Именно благодаря ей Суворов мог вдохновлять солдат, офицеров и генералов. С ним они побеждали, хотя под началом других полководцев те же самые солдаты отступали или проигрывали сражения.

Сравните поведение Суворова с поведением его противника. Эпоха Наполеона — время, когда западноевропейский суперэтнос вступал в фазу обскурации. Идеалы её поведения прекрасно просматриваются в убеждениях будущего императора французов. Ложь он считал нормой: "История соткана из лжи, в которую все верят", с жизнями других людей был не склонен считаться вовсе. Князь Клеменс фон Меттерних в своей автобиографии воспринял характерное высказывание Наполеона: "Я вырос на поле

При подобной системе взаимозависимых отношений верховной власти и военных генеральское звание естественно рассматривалось как вершина карьеры. Так было вплоть до начала XIX века включительно, что хорошо заметно по русской литературе. Татьяна Ларина вышла за генерала, почему и беседовала с "послом испанским". Именно о генеральских погонах мечтал горюдничий в "Ревизоре". То же говорил полковник Скалозуб в "Горе от ума": "Мне только бы досталось в генералы", а Фамусов видел в будущем генерале завидную партию для своей дочери. Значит, все они по-прежнему мечтали об идеале "времен Очаковских и покоренья Крыма", то есть этого самого конца акматической фазы.

С началом скрытого надлома отношение дворян к военной службе стало меняться. Изменения эти также видны в литературе всё той же первой трети XIX века. Пушкинский Онегин — "молодой по-веса" — избегает как военной, так и статской службы, предпочитая проживать состояние, добытое отцом и дядей. Рядом со Скалозубом и Фамусовым появляется европеизированный либерал Чацкий. В Скалозубе он видит только грубого "солдафона", а выбор Фамусова категорически осуждает как безразственный.

Однако сама традиция обоюдной личной связи главы русского государства с вооружёнными силами оказалась крайне живучей. Её прервала только пассионарная депрессия начала XX века, вызванная переходом к явному надлому. А.Ф. Керенский и В.И. Ленин, естественно, никаких воинских званий иметь не хотели. Но при И.В. Сталине, когда суперэтнос вновь перешёл к локальному подъёму, эта тра-

диция отчасти возродилась в новом советском качестве. Уже не в зависимости от знатности, но от своего места в номенклатуре партийный вождь получал во время войны то или иное воинское звание. И.В. Сталин и Л.П. Берия стали маршалами Советского Союза, Г.М. Маленков и Н.С. Хрущёв — генерал-лейтенантами, а Л.И. Брежнев — генерал-майором. Когда же это последнее сталинское поколение ушло, пассионарный кризис времён перестройки опять убил традицию прямой принадлежности главы государства к командованиям вооружённых сил. М.С. Горбачёв никакого генеральского звания не имел, оставаясь полковником запаса...

ПОЧЕМУ всё вышеизложенное важно? Мы уже замечали, что создать субэтнос одними законодательными, административными и тем паче финансовыми мерами нельзя. Субэтнос, как и любая другая структура этнической природы, — естественное образование. Он возникает только как результат медленно идущей пассионарной динамики кооперативного поведения людей. А не будет естественно сложившегося субэтноса — не возникнет и социально стабильное военное сословие с продолжительным временем жизни. Поэтому ставить и решать задачу "создать военный субэтнос" абсурдно по определению. Создавать можно только внешние, социальные, условия, способствующие или препятствующие возникновению субэтнической структуры.

Как мы показали, первое исторически сложившееся в акматической России условие функционирования военного субэтноса — это неразрывная личная связь верховной власти с вооружёнными силами. Есть ли признаки возникновения такой связи в сегодняшнем пассионарном состоянии России? Боимся прослыть оптимистами, но в этом смысле несколько обнадеживает открыто объявленный президентский кадровый курс. Твёрдое намерение В.В. Путина занимать начальные военные кабинеты отличившимися участниками войны на Украине — один из важнейших, если не самый важный, из положительных итогов Специальной военной операции. Формирование управляющей элиты из тех военных людей, которые служили своей стране не за страх, а за совесть, кровь проливали ради нашего общего будущего, несомненно, будет в большой степени способствовать формированию военного субэтноса.

В контексте гумилёвской теории этногенеза особенно показательно в этой перспективе настойчиво прокламируемое Путиным искренне неравнодушное отношение к детям участников СВО. Так, на расширенном заседании коллегии Минобороны России 16 декабря 2024 года он подчеркнул: "Я уже говорил много раз и ещё раз повторю: их дети — это наши с вами дети. Никогда мы не должны об этом забывать". Дети — элемент семьи, то есть той элементарной этнической ячейки, которую Л.Н. Гумилёв назвал конквией. В отличие от пассионарной ячейки конкордии, конквия может и не иметь избыточной пассионарности. Но именно она обеспечивает то естественное воспроизводство членов этноса, без которого не существует ни одна субэтническая структура. Существование же субэтноса всегда подразумевает брачные связи преимущественно в кругу близких, "своих" конквий. Крестьяне практически всегда брали девок замуж из деревень своей волости, мещане и купцы — из сообщества своего города или родной губернии. Старобрядцы никогда не смешивались в браках не только с никонианами, но и с представителями иных древлеправославных толков и "согласий". Такая особенность характерна не только для России. Римские легионеры стали субэтносом только тогда, когда начали образовывать семьи прямо в лагерях, по месту службы и проживания. Поэтому путинская декларация, кроме очевидного социального, несёт в себе и неочевидный этнический смысл. Он заключается в призыве к общности конквий всех военных людей. А такая общность и есть базовая предпосылка формирования военного субэтноса.

Однако общность конквий хоть и необходима, но недостаточна для образования субэтноса. Нужна еще общ-

ность консорций, то есть тех пассионарных малых групп, которые ставят общие цели поведения и за счёт избыточной пассионарности формируют горизонтальные субэтнические связи. Формирование пассионарных консорций среди военных людей, как и в случае с этнической системой любого другого ранга, зависит от управляющего параметра, то есть наличного пассионарного потенциала, а также предистории поведения, то есть исторического опыта суперэтнической системы в целом.

Как мы показывали ранее, после 2000 года Россия вступила в инерционную фазу. Конечно, пассионарных личностей среди военных людей в инерции заметно меньше, чем было не только во времена Суворова и Кутузова, но и в сталинское время. Вместе с тем нет никаких причин для посыпания головы пеплом. История иных суперэтнических систем аналогичного возраста свидетельствует, что в инерции нет избыточной пассионарности, необходимой для агрессивного долговременного навязывания своего поведения противнику. Недаром Август прекратил захватнические войны и соорудил в 9 году до нашей эры знаменитый Альтарь мира своего имени (Ara Pacis Augustae). Вместе с тем у инерционного суперэтноса ещё вполне хватает сил для активной обороны, эффективной защиты своих территориальных интересов. Военные усилия Рима в начале империи целиком сводились к установлению и закреплению естественных границ и в целом были весьма успешны. Посему у России нет никаких причин опасаться, что её сегодняшней пассионарности не хватит для формирования военного субэтноса. Живым доказательством тому является значительное количество людей, добровольно пошедших на военную службу после начала СВО, и особенно — после вторжения иностранных войск в Курскую область.

Куда сложнее обстоит дело с предшествующим опытом. Для того чтобы военный субэтнос действительно сформировался, он должен преодолеть инерцию прежнего сложившегося поведения. Говоря так, мы, конечно, имеем в виду отнюдь не вышеупомянутую суперэтническую инерцию как новую фазу этногенеза (её преодолеть субэтнос не может по определению, к ней он может и должен будет адаптироваться). Мы говорим о наследстве предшествующих фаз этногенеза — той инерции персонального и мелкогруппового поведения внутри суперэтноса, которая в социальных науках почему-то именуется инерцией мышления.

Увы, в этом отношении формирующемуся субэтносу есть что преодолевать. Первое и главное препятствие — это настороженность верховной власти к самому факту его существования. Эта настороженность восходит, как мы уже упоминали, к началу скрытого надлома. Именно тогда декабристы, то есть высокопоставленные представители военного дворянства, выступили с программами смены существующего государственного строя. В советский период истории вроде Н.Я. Эйдельмана убеждали, будто центром декабристской программы являлось "уничтожение рабства", то есть крепостного права. На самом деле на момент выступления декабристов уже 20 лет с лишком действовал указ о вольных хлебопашцах 1803 года. Он позволял помещикам законно отпускать своих крепостных на волю. Так и сделал, кстати сказать, будущий шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, освободивший своих крестьян в Лифляндии в 1816 году и в Тамбовской губернии в 1818 году. А никто из либеральных заговорщиков этой мерой в отношении своих "душ" не воспользовался... Конечно, восстание вызвало при дворе опасения по отношению к армии и офицерству. Это недоверие благополучно дожило до советских и постсоветских времён. Наше политическое руководство наследовало понятию в своей противоречивости ситуацию: без сильной армии в сегодняшних реалиях не обойтись, но и Трубецкого, Алексева, Вацетиса и Жукова не враз забудешь... А каково-то оно пойдёт, если из военных сформируется особое сословие?!

Другое направление преодоления инерции связано с теми качественными

изменениями, которые вносит в природу войны развитие технологий. Нынче в мире работает более 6,2 млрд компьютеров, их быстроедействие выросло за прошедшие годы в 10¹⁸ раз, в результате чего 5,8 млрд человек (около 70% населения Земли) пользуются Интернетом. Если биосферу считать первой природой, техносферу — второй, то на наших глазах формируется "третья природа" — информационно-телекоммуникационное пространство. Положение страны в этом пространстве становится стратегическим ресурсом и важнейшим фактором в силовом противостоянии государств, цивилизаций, военно-политических блоков. Мы явно идём к войне, при которой солдат в привычном нам понимании не будет, их функции возьмут на себя автоматизированные компьютерные системы. Следовательно, их военных операторов надо не только снабдить совершенно иным, новым, оружием, но обучить и воспитать совершенно иным образом.

Однако от 80 до 95% возможностей современного оружия определяется электроникой, которая в него "зашита". Хорошо понимавший это академик Ж.И. Алфёров много лет назад говорил одному из авторов этих строк: "Надо прежде всего вложить все усилия в то, чтобы у нас была своя элементная база". Ту же мысль о создании элементной базы как о цели новой индустриализации покойный Жорес Иванович пытался донести студентам, коллегам, депутатам, министрам и президенту.

На день сегодняшний расклад таков: тайваньский гигант TSMC выпускает серийные микросхемы с толщиной линии 3 нм, а наши предприятия — 180 и 90 нм. США выводят на орбиту более 3 тыс. спутников в год, Китай — около 1,5 тыс., а Россия до недавнего времени ограничивалась полусотней аппаратов. А за год-два такой разрыв не преодолеть. К "первой кибервойне" 1991 года в Ираке военные, учёные и производители США готовились около 15 лет, чем и обеспечили минимизацию потерь и быстрое решение главных задач, поставленных при планировании военной кампании.

Стоит помнить слова президента в Послании Федеральному Собранию в 2018 году: "Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет это сделать, она, эта волна, просто захлестнёт, утопит. Технологическое отставание, зависимость означают снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате — потерю суверенитета. Именно так, а не иначе обстоит дело". Из этого нужно исходить при преодолении технологического разрыва.

Как предстает, главная причина нашего прискорбного отставания — не в отсутствии денег, мозгов или технологического потенциала, а именно в инерции поведения. Крайне показательно в этом смысле незавидная судьба отечественных беспилотников. Немногие знают, что первый в мире военный беспилотник был сделан в СССР в 1968 году. Однако отношение к этому виду оружия изменилось только с началом СВО, и то далеко не сразу. Одному из авторов этих строк уважаемый руководитель оборонного предприятия ещё не так давно всерьёз втолковывал, что "беспилотники слишком дешёвы для существенной части оборонно-промышленного комплекса (ОПК)".

Логика поведения понятна — то, что строили десятки лет, хочется строить и дальше. Не стоит думать, что подобная инерция поведения присуща только современному ОПК. Адмирал С.О. Макаров в начале прошлого века настаивал на размещении радиостанций на кораблях, организации радиоразведки, а главное — быстром развитии радиопромышленности ради укрепления обороны. И не только в России так происходило.

Вячеслав ЕРМОЛАЕВ, Георгий МАЛИНЕЦКИЙ

Иллюстрация: гренадер драгунского полка русской армии, первая половина XVIII в.

Окончание — в № 11

С М О Т Р И Т Е Л Е К А Н А Л «Д Е Н Ъ»

